

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Суркова Ивана Евгеньевича
на тему: «Онтология прп. Максима Исповедника»
по специальности 5.7.2. История философии**

В своей замечательной диссертации Иван Евгеньевич Сурков доказал один из постулатов, выдвинутых им чуть ранее: «Античность и Средневековье способны быть актуальными в своих высочайших метафизических достижениях»¹. Сегодня, когда во всем мире наблюдается ренессанс максимоведения, т. е. изучения жизни, творчества и системы философских и богословских идей одного из величайших мыслителей Средневековья – преп. Максима Исповедника (580–662), – очень важно еще раз попытаться окинуть целостным взглядом онтологические основания его удивительно стройной системы, определить испытанные автором классические и позднеантичные философские влияния и оценить его значение не только для христианского богословия, но и для трансцендентальной философии, онтологии, этики и эстетики в целом. Данная работа являет собой один из успешных опытов разрешения подобного рода задач.

Впечатляет уже то, что автор дает почти полный обзор актуальной историографии максимоведения (с. 6–14; и далее в главах); но этим достоинства диссертации отнюдь не ограничиваются. Отметим хотя бы мастерски выстроенную Гл. 4 об «апории трансцендентного начала в позднем неоплатонизме» (с. 195–220), где автор искусно разбирает структуру Единого у Прокла и Ямвлиха и учение о Боге в «Ареопагитиках», пытаюсь понять место св. Максима в традиции христианского неоплатонизма. Не вызывает сомнения, что, «в отличие от неоплатоников, Дионисий и Максим... помещают источник множественности в Сам Первый Принцип» (с. 218; ср. Втор. 6, 4 и др.); с

¹ Сурков И. Е. Трансцендентальная онтология: схоластика, Византия, современность // История философии. 2025. Т. 30. № 2. С. 66.

единством зиждительной воли Божией связывает логосы у Ареопагита и блистательный антиковед свящ. Эрнесто С. Майнольди², результаты новейших исследований которого учитываются Иваном Евгеньевичем. Заодно мы наблюдаем, как диссертант преодолевает недостатки пионерской работы Х. Урса фон Бальтазара, который «существенно минимизирует укорененность онтологии Максима в неоплатонической традиции» (с. 7; обратный крен наблюдаем в публикациях Э. Пёрла, с. 12). Отмечается «протопаламитский» подход Ж.-К. Ларше (с. 10), откуда видно, что – вопреки некоторым скептикам – неопаламитизм как школа мысли и истории мысли отнюдь не думает сдавать своих позиций (и оппонент мог бы привести тому некоторые дополнительные доказательства). Мы видим, как прямо на глазах российская историко-философская наука уверенно встраивается – вопреки всем трудностям – в актуальный международный контекст.

Выяснение логики решения св. Максимом проблемы трансценденталий (см. о значимости этой проблематики уже на с. 14) идёт рука об руку с набирающим всё больший ход в современной византистике изучением проблем предельных оснований, состава и категориального наполнения той логики, что фундировала святоотеческую мысль (ср., например, учтенную диссертантом статью – одну из серии работ – К. Эрисмана о логике применения понятия омонимичности в его связи с категорией реляционности у Аристотеля и иконопочитателей³). Если воспользоваться мыслью того же Э. С. Майнольди о необходимости модифицировать саму методологию современных патрологических исследований (с которыми также тесно связана работа диссертанта), то можно сказать, что диссертация И. Е. Суркова отвечает как духу, так и вызовам времени. В работе более четко, чем у предшественников, проанализирована базовая тернарная (или даже

² Mainoldi E. S. The Place of the *Corpus Dionysiacum* in the Development of the Byzantine Canon of Ontology // The Dionysian Traditions. 24th Annual Colloquium of the S.I.E.P.M., September 9–11, 2019, Varna, Bulgaria / ed. G. Kapriev. Turnhout: Brepols, 2021. (Rencontres de Philosophie Médiévale, 23). P. 64.

³ Erismann Ch. The Depicted Man: The Byzantine Afterlife of Aristotle's Logical Doctrine of Homonyms // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2019. Vol. 59. P. 311–339.

четверичная, при более тщательном подходе) структура онтологии Максима (неприобщимое: Бог по сущности – приобщимое Божественное действие (собственно, энергии Божии; см. с. 63) – причастующее), а также рассмотрена триада СВД (сущность–возможность–действительность; ср. на с. 30, 37, 61 о ее универсальном характере в античной философии post Aristotelem) в мысли автора, с практически исчерпывающим привлечением контекстов. Проведенный анализ оправдывает заключение Ивана Евгеньевича о сохранении в данном вопросе – теории природного действия – «континуитета греческой мысли от Античности к Византии» (с. 63). Со своей стороны, всячески приветствуем только что процитированное заключение.

Также считаем важным промежуточный вывод автора: «Учение о логосах – своеобразный вариант античных и средневековых экземплярных онтологий, в которых мир существует в соответствии с трансцендентными идеями или мыслями Бога о существах и вещах...» (с. 49). Эти идеи Божии у Максима очень тонким и точным образом пересекаются с энергиями – действиями – Бога. На способах – тропосах – этого пересечения/ соединения и концентрируется внимание автора. Сильной стороной работы является и терминологический анализ, проводимый, например, в Гл. 2.1 (с. 65 сл.); ср. краткое, но емкое замечание об эпохе исихастских споров на с. 66, которое надо развить и углубить, ибо и у Григоры, и у Акиндина, и у Кипариссиота немало подобных «максимоведческих» контекстов, с попытками дать мысли преподобного заведомо антипаламитскую и даже язычески-политеистическую трактовку.

Считаем, что благодаря этому в целом выполнена цель работы, в значительной степени заключающаяся в прояснении роли и значения понятия приобщимого Божественного действия в онтологии св. Максима (с. 14). Первые четыре задачи работы эксплицитно связаны с этой целью (с. 14), тогда как пятая – сопоставление данного учения «с моделями решения апории трансцендентного начала в позднем неоплатонизме» (с. 15) – нацелена на столь необходимое в данном случае расширение историко-философских горизонтов.

Только в таком ракурсе – взобравшись мыслью на такие горы, как Ямвлих, Прокл, Дионисий – можно окинуть взором исполинский пик мысли преподобного. Понятно, что нужно принимать во внимание и собственно христианскую традицию, но автор оговаривает, что это не входит в его задачи в настоящей диссертации (и при этом ряд ссылок на христианских богословов и системное обращение к христианскому материалу в работе присутствует, что не может не радовать).

Грамотно сформулирован объект исследования; ключевые слова здесь – «христианская метафизика» Максима Исповедника (с. 15). Споры нет, что она и являет собой одно из тех метафизических достижений, о которых шла речь в уже приводившейся цитате из статьи Ивана Евгеньевича (прим. 1). Соотнесенность соответствующего учения «с моделями решения апории трансцендентного начала в онтологии Ямвлиха, Прокла и Псевдо-Дионисия» (с. 15) вынесена в предмет исследования (ср. там же 5-е положение о научной новизне работы), и это не может не радовать. Сделана оговорка о важности в данном контексте также и Дамаския (с. 30), но автор его опускает, главным образом, в целях сохранения компактности работы и, вероятно, обратится к другим поздним неоплатоникам (Сириан, Аммоний Александрийский) в недалеком будущем.

Работа И. Е. Суркова хорошо фундирована в историко-философском плане и при этом не перегружена избытком примеров – все они известны специалистам, а число их при желании было бы легко умножить. Например, говоря о переходе от «первой» ко «второй энтелехии» (с. 23, ср. с. 51–52), можно было бы вспомнить следующее замечание Аристотеля: «большинство людей желают скорее наслаждаться, чем перестать наслаждаться, так что они скорее хотели бы считать целью *действие* («первую энтелехию». – Д. М.), чем законченное действие (курсив наш. – Д. М.)...» (*Arist. Top. VI, 8 146 b 17–19*).

В целом же число цитат из Платона, Аристотеля, Плотина и авторов классического периода в целом, вполне достаточно и надежно эксплицирует

мысль автора, являясь как собственно материалом исследования, так и надежным «защитным поясом» (И. Лакатос) его теории. Из положений о научной новизне работы также отметим второе – о реконструкции автором «способа омонимической предикации общих свойств Богу и тварному у Максима» (с. 15), поскольку, по крайней мере, в отечественной истории философии, несмотря на труды В. В. Петрова, В. М. Лурье, Д. С. Бирюкова, Л. Г. Тоноян, О. Ю. Гончарко, В. Л. Иванова, а еще раньше – Н. И. Стяжкина, ситуация в области подобного рода историко-логической реконструкции средневековых идей остается достаточно напряженной. Труд Ивана Евгеньевича и тут выступает тем «голубем мира» (ср. Быт. 8, 8–12), который знаменует собой появление нового поколения философов-медиевистов, историков онтологии, патристики, логики, которым не чужда и принципиальная вовлеченность в решение фундаментальных философских проблем сегодняшнего дня.

Кстати, в духе самого св. Максима было бы возможно высказать диссертанту, а также его коллегам и единомышленникам, такого рода пожелание: важно, чтобы та *омонимичность* в именовании общих для Бога и мира свойств (благость, красота...) не переросла в серию *эквивокаций*. Собственно, для этого в диссертации и выясняется предельная онтологическая – энергийная – природа тех реальностей, что стоят за данными именованями (см. с. 222, в Заключение). Отношение Божественных и человеческих качеств здесь понимается как каузальное (в духе – помимо прочего – характерной для Средневековья теории св. Григория Нисского о том, что человеческие совершенства – отблески Божественных), а именование – как омонимичное (с. 80). При этом, как показал К. Эрисман в указанной нами в прим. 3 статье, омонимичность предполагает реляционность и разноприродность вступающих в отношение контрагентов – в нашем случае, Бога и человека. Так и по св. Максиму.

Что касается выводов по Второй главе (если кратко пройтись по структуре Заключения), то можно высказать такого рода соображение. Нам

представляется необходимым согласиться с выводом Ивана Евгеньевича о том, что логосы Божии у св. Максима представляют собой совокупность формальных и целевых причин сущего (всякому антиковеду понятна и, пожалуй, импонирует мысль о близости формы и цели в философии Аристотеля, особенно в перспективе учения об энтелехиях; см. с. 94, 98, 222). Также не вызывает возражений и вывод о том, что энергии Божии – производящая причина тварного (с. 222). А как быть с материальной причиной? Несомненно, это – некое взаимодействие зиждительных энергий Божиих с неким субстратом, состоящим из разных уровней реальности (от материального до психического и духовного), если речь идёт об уже длящейся истории мира. И вот здесь, быть может, автору следовало бы чуточку более подробно прояснить вопрос об онтологическом статусе *материи* в системе св. Максима – особенно на фоне столь мастерских реконструкций учения о материи Плотина, какова, например, произведенная Домиником О’Марой⁴. Понятно, что материя для преподобного – не неизбежное зло, а благой (хоть и в меньшей мере, чем души и духи) элемент мироздания, но особенно на фоне известных трудностей, которые испытывали Платон и платоники в учении о материи и зле, сделать этот шаг было бы, нам кажется, очень своевременным; впрочем, данное замечание – не критика, а благое пожелание автору на ближайшее будущее. Эта задача видится актуальной: так, в изданном в 2015 г. «Оксфордском справочнике по Максиму Исповеднику» нет главы о теории материи преподобного⁵.

Тем самым как раз, быть может, удастся более детально раскрыть доказанное диссертантом положение о том, что «онтология Максима носит отчетливо эстетический и этический (агатологический) характер» (с. 223). Тогда мы вслед за Бальтазаром, как отмечает Иван Евгеньевич⁶, на новом уровне докажем, что трансценденталия красоты способна стать в центре

⁴ O’Meara D. J. The metaphysics of evil in Plotinus: Problems and solutions // *Agonistes. Essays in Honour of Denis O’Brien* / eds. J. Dillon & M. Dixsaut. London–New York: Routledge, 2005. P. 179–185.

⁵ *The Oxford Handbook of Maximus the Confessor* / eds. P. Allen & B. Neil. Oxford: OUP, 2015. P. xiii–xv (Contents).

⁶ Сурков И. Е. Трансцендентальная онтология... С. 65.

подлинно обновленной философии Истины, Добра и Красоты в наше непростое время.

Считаем справедливым определение метафизики Максима как панентеистской (с. 224), подчеркивающей динамическое присутствие Бога – на разных уровнях – в сотворенных сущих и в мире в целом; здесь исследования диссертанта перекликаются с серией работ Д. С. Бирюкова об иерархиях сущего в ранней патристике и у паламитов. Часть этих работ известна автору (№ № 93, 94 в Библиографии). Он мыслит в сходной парадигме. Трудно не согласиться с таким, например, выводом Ивана Евгеньевича: «В христианской метафизике Максима Бог не замкнут в сверхсущностной удаленности, но лично нисходит в мир и пребывает в нем по Своим действиям» (с. 225). Поэтому краткое описание самого этого мира – разумеется, понимаемого в традиции Писания (Быт. 1, 31; Рим. 1, 20) и «Шестоднева» Василия Великого как училище добродетели – могло бы стать кратким, но емким дополнением при подготовке к печати данного замечательного текста в виде монографии.

Нас очень заинтересовали предлагаемые автором перспективы будущих исследований: не секрет, что в поздней Византии (ср. с. 226) Ареопагит и св. Максим почитались буквально наряду с Евангелием, примером чему – сотни цитат из преподобного не только у св. Григория Паламы (это отдельная большая тема), но и у всех сколько-нибудь заметных мыслителей того периода – будь то Георгий Мосхамбар с его «Антирретиком против доктрин и писаний нечестивого Векка [Иоанн XI Векк, патриарх в 1275–1282]» или великий богослов, наставник Марка Эфесского, и также очень хороший философ, учащий о пути спасения верных в Церкви как о «[Ее] (т. е. Церкви. – Д. М.) богообращенной энтелехии (κατὰ Θεὸν ἐντελέχεια)»⁷, Иосиф Вриенний (ок. 1350–1432). Более того: когда, к примеру, Вриенний говорит, что Бог «в любой

⁷ Ἰωσήφ Βρυεννίου Λόγος Β' περὶ Ἁγίας Τριάδος // Ἰωσήφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου Τὰ εὐρεθέντα / εἰσαγωγή Εἰρ. Δεληδήμου. Τ. Α'. Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 44. См., например, цитату из Максима на с. 51.

части всецелого мира всецелым обретается», будучи «беспредельнократно беспредельно сверхпростёртым» надо всем (с. 49), то внешне ясно, что мы имеем дело с прямой континуальностью максимовской традиции⁸.

Все эти только что указанные нами авторы являют собой сонм светил мысли, веры и интеллектуальной культуры, в значительной степени возвращенных на Исповеднике и его бесценном наследии. Оно окажется значимым и для нас – например, как указывает автор, при дальнейшей разработке «панентеистских онтологий», а также общей трансцендентальной онтологии, добавим, неовизантийского типа (с. 225).

Здесь возникает еще один вопрос, который нам бы хотелось задать уважаемому автору диссертации: как Вы полагаете, насколько такого рода неовизантийские (или неосхоластические) онтологии неовизантийского типа пересекались бы – или были бы схожи – с таким явлением современной мысли, как синергичная антропология С. С. Хоружего и его школы? В своих публикациях, в частности, в поздних и иностранных, Сергей Сергеевич охотно ссылаясь на св. Максима...

Мы опускаем для краткости множество других достоинств, присущих диссертации Ивана Евгеньевича, и непосредственно приближаемся к выводам.

Для стиля Ивана Евгеньевича характерно наличие рисунков и удачных пояснений к сложным мыслям излагаемого автора, например: «Так, человек, читающий данную диссертацию, проявляет видовое человеческое ПД (природное действие. – Д. М.) в конкретном акте чтения этой диссертации: телесное – в чувственном восприятии и листании страниц (увы, только электронном. – Д. М.), разумное – в осмыслении прочитанного» (с. 60).

Работа получила достаточную апробацию в виде 7 публикаций (с. 19–20), отличающихся, как мы уже имели случай отметить, высоким градусом эвристичности. О ничтожно малого рода недостатках работы – таких, как транскрипция фамилии *Beierwaltes* как Бейервальтес вместо требуемого

⁸ См. места, указанные Иваном Евгеньевичем (с. 103–104 и прим. 443), например: *Capita theol. et oecon.*, I, 6; Amb. 10 // PG. 91. 1180D.

Байервальтес (с. 25) – можно и не упоминать. В более серьезном ключе можно было бы поговорить о проблеме выборочности избранных автором для анализа контекстов; было бы интересно сопоставить некоторые разбираемые Иваном Евгеньевичем идеи с высказываниями св. Никиты Стифата – автора XI в., одним из первых открывшего философский масштаб Максима в ходе полемики с неозеллинизмом Пселла и Итала – или пс.-Максима, автора «Гностических глав». Было бы любопытно спросить Ивана Евгеньевича, действительно ли несколько более архаичное по языку богословие Симеона Нового Богослова было стадильно учением «до-максимовым», как аргументирует вслед за В. М. Лурье Д. С. Бирюков⁹, или подобного рода характеристика преждевременна.

Вместе с тем, поставленные вопросы и замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. В работе Суркова решается важная научная задача целостной реконструкции онтологии св. Максима Исповедника с точки зрения природного действия. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

⁹ *Бирюков Д. С.* О теме причастности к Божественной сущности у прп. Симеона Нового Богослова в контексте предшествующей патристической мысли // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие. Материалы Второй международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия (Москва, 11–13 декабря 2014 года) / под ред. митр. Волоколамского Илариона. М.: ОЦАД, 2017. С. 260–261, 263–265.

Таким образом, соискатель – Иван Евгеньевич Сурков – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,
доцент, профессор и заведующий общевузовской
кафедрой общих гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО

«Уральская государственная консерватория
им. М.П. Мусоргского»

Макаров Дмитрий Игоревич

04.03.2026

06.03.2026